

ГЕРОИЧЕСКАЯ

ФАНТАСТИКА

МИХАИЛ ЛАНЦОВ

ПОМЕЩИК

КНИГА ПЕРВАЯ

СИРОТА

МОСКВА
2022

ЯУА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л22

Ланцов, Михаил.

Л22 Помещик. Книга первая. Сирота / Михаил Ланцов. — Москва : Эксмо : Яуза, 2022. — 352 с. — (Героическая фантастика).

ISBN 978-5-04-160833-0

Молодой инженер Андрей Прохоров неизлечимо болен. Поэтому он, уцепившись за призрачный шанс, соглашается участвовать в эксперименте по переносу сознания. И, подготовившись, отправляется в прошлое.

Прохоров оказывается в 1552 году под Тулой в теле 14-летнего сироты Андрейки, сына погибшего во время очередного татарского набега мелкого дворянина. И теперь бывшему инженеру предстоит, унаследовав жалкий клочок земли, стать помещиком — воином поместной конницы.

Поместье полностью разорено, крестьяне убиты татарами, пахать и сеять некому. Денег почти нет. А ведь уже через год верстание на службу, куда Андрейка должен прибыть «конно и оружно» — полностью снаряженным бойцом. Иначе позор и урон чести!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-160833-0

© Ланцов М.А., 2022
© ООО «Издательство «Яуза», 2022
© ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог

1552 год, 2 июля, Тула

спышка боли.

И темнота.

Невесомость и какая-то удушливость...

Мгновение.

И что-то вынудило Андрея открыть глаза, а также рефлекторно вздохнуть, выгнувшись дугой, словно бы оживая. Но он тут же зажмурился из-за яркого, прямого-таки режущего света, не успев ничего вокруг рассмотреть.

— О! Очухался соколик! — воскликнул кто-то рядом.

— Я и говорю — сомлел. А ты: дух вышибло, дух вышибло...

И вокруг все сразу загудели разноголосицей.

Парень немного напрягся. Эти люди говорили вроде бы по-старорусски, но странно и непривычно, даже несмотря на то, что язык он учил. Тут и подбор слов, и выговор с ударениями. Речь ему была в целом понятная. Лишь отдельные слова ускользали от понимания. Но повторить её Андрей не смог бы сразу. Во всяком случае, чисто. Так что он решил если и говорить, то отрывисто и односложно. По крайней мере, сначала.

И тут на парня накатили воспоминания, накрывшие его эмоциональной волной. А перед глазами промелькнула вся прошлая жизнь. Та, которую он прожил в XXI веке и в которую уже никогда не вернётся...

Прохоров Андрей считал себя везунчиком.

Ну а как иначе? Родился в обеспеченной семье. Да ещё с удивительно адекватными родителями, которые уделяли очень много времени и сил его воспитанию и развитию. Не говоря уже о ресурсах. У него было всё, что только ему могло захотеться, но при этом удалось как-то избежать избалованности. Парень не только учился отлично, но и жизнью был более чем доволен. Он ею наслаждался, а трудности воспринимал как новые увлекательные квесты.

Как следствие, золотая медаль в школе трансформировалась в красный диплом вуза. Причём без зубрёжки. Он реально смог разобраться и понять программу. Где-то сам, а где-то и с помощью очень толковых репетиторов, способных даже самые сложные вопросы по своему предмету объяснить на пальцах в считанные минуты любому. Но родители этим не ограничились. Так что, например, к поступлению в вуз он уже сумел довести свой уровень английского до свободного. В первую очередь за счёт того, что четыре года подряд проводил летние каникулы на языковой практике в Англии и США. После чего он начал осваивать немецкий, уже как второй иностранный, поскольку бизнес отца был связан с Германией. И опять-таки, по весьма прогрессивным схемам с погружением в языковую среду. В общем, не жизнь, а сказка в представлении большинства простых ребят-

сверстников, с которыми он общался. Перспективы же были такие, что дух захватывало...

А потом произошла трагедия, в одночасье перечеркнувшая всё.

Сначала в автокатастрофе погибли родители. Но беда не приходит одна. Уже через неделю после аварии врачи нашли у Андрея неизлечимую болезнь...

— От четырёх до пяти лет, — с предельно серьёзным лицом произнёс врач. — Максимум до десяти, но я бы на это не рассчитывал.

— Ясно, — глухо тогда ответил парень, которого столь «своевременная» новость окончательно добила, вогнав в жесточайшую депрессию.

Его жизнь сломалась и, считай, закончилась.

Раз — и всё.

И финиш.

Да, от четырёх до пяти лет — не так мало. Но всё равно при таких сроках ни семьи, ни карьеры не построишь. А главное — зачем?

И вот, когда он раздавленный бесцельно бродил по улицам, судьба дала ему надежду. Курьёзно и странно, но дала. Андрей случайно заметил опрятного мужчину в изрядных годах, который с трудом тащил тележку, нагруженную чем-то тяжёлым. Прямо пыхтел, поднимаясь по ступенькам. И он ему помог.

— Дай тебе Бог здоровья! — вполне искренне поблагодарил дед парня.

— Хорошее пожелание, но увы... — развёл руками Андрей, грустно улыбнулся и, не прощаясь, пошёл куда-то дальше.

— Постой! — окрикнул он его...

Так и завязалась беседа, которая продолжилась уже в гостях. А потом и своеобразная дружба, потому что этот незнакомец дал парню надежду. Он оказался одним из так называемых «чокнутых учёных», которые потихоньку в гараже мастерят очередную гравицапу¹ или «Звезду смерти»².

В данном случае он пытался создать машину времени.

— Будущего нет, ты понимаешь? Будущее — это просто бесконечное количество вероятностей. Куда бы ни прицелился в будущем, ты можешь переместиться только в одну из таких ветвей. А учитывая их бесчисленное множество, вероятность гибели при таком переходе практически безусловна. Ты просто попадёшь в жернова хаоса и растворись в них без следа за доли секунды. А вот прошлое, оно ригидное, оно фиксированное. В прошлом уже можно найти якоря и, зацепившись за них... — продолжал он вещать.

Его аппарат переносил только сознание.

Нет, конечно, теоретически можно было переносить и иную материю. Во всяком случае, по его мнению. Но тогда бы потребовалась несопоставимо большая мощность устройства. И без участия правительства или крупной корпорации этого не проверить. А он не хотел с ними связываться.

¹ Гравицапа – фантастическое устройство из советского кинофильма «Кин-дза-дза!». Установленная в двигатель пепелаца, позволяла совершать мгновенные межгалактические перелёты.

² «Звезда смерти» – вымышленная боевая космическая станция из франшизы «Звёздных войн». Оснащена сверхмощным оружием, способным уничтожать целые планеты.

— Отправлю я тебя в твоего же далёкого предка. Это самый простой способ. Твой геном выступит якорем.

— Насколько далёкого?

— Сложно сказать, — пожал дед руками.

— Ну хоть примерно.

— Я посмотрел мутации ДНК. Якорь, за который я могу надёжно зацепиться, находится семнадцать поколений назад. Сколько это лет? От четырёхсот до шестисот. Примерно. Так что разброс, сам понимаешь, великий.

— Ясно, — задумчиво кивнул Андрей. — А куда денется сознание моего предка?

— Затрётся. Преимущественно затрётся.

— Он что, умрёт?

— Физически нет. Как личность — да. Но, учитывая особенность переноса, какие-то остатки старой личности должны пережить твоё вселение. Так что он скорее не умрёт, а растворится в тебе.

— Понятно, — нахмурился парень. — Мне имеет смысл подготовиться?

— Конечно. Переноситься будет твоя личность со всеми её знаниями и навыками.

И Андрей пошёл готовиться, не задавая больше лишних вопросов...

В своё время его отец уделил немало времени, денег и сил для того, чтобы попытаться составить генеалогическое древо и выяснить, кем были его предки, поэтому парень предполагал, что они происходили из центрально-русских земель. Во всяком случае, века до восемнадцатого удалось добраться. А дальше? Рандом. Гаплогруппа показывала достаточно обнадеживающий результат.

Однако точно семнадцатое колено по мужской линии определить не получалось. Слишком далеко в прошлое. Слишком мало сведений. Так что оставались варианты и пришлого человека. Но он о том не думал и готовился именно «загреть» куда-нибудь на Русь XIII–XVII века.

Большой разброс. Но ещё больше было поле вариантов того, кем являлся его предок. Очень не хотелось оказаться холопом или крепостным, но случиться могло всякое. Так что он изучал хотя бы шапочно эпоху и продумывал поведенческие сценарии. А также старался получить те навыки, которые могли бы ему пригодиться в прошлом. И выжить там при любом раскладе.

Андрей штудировал и материалы по агротехнике, и по химии, и по физике, и по металлургии, и прочее. И фехтовал, беря частные уроки у достаточно толковых мастеров, практикующих исторический бой, а не современное театральное искусство. И верхом ездил, учась ухаживать за лошады. И из лука стрелял. И так далее.

И даже язык учил.

Понятно, что он мог оказаться и в Испании, и в Персии. Тут ничего не попишешь — рандом. Однако самая высокая вероятность была связана с Русью. Вот русский язык той эпохи он и учил. Примерно той, так как разброс всё-таки великоват. Язык этот хоть и был в целом понятен, но отличался речевыми оборотами, употребляемой лексикой и грамматически. Ну и молитвы зубрил на церковнославянском. Самые основные. Ибо пригодятся в те время они ему совершенно точно, как и знание назубок Символа веры.

В подобных хлопотах прошёл первый год... второй... третий... четвёртый... пятый, а вот на шестой

пришла пора отправляться. Болезнь прогрессировала, и смерть подобралась слишком близко. Дальше тянуть было нельзя.

— Ну что, ты готов? — спросил его профессор с каким-то нездоровым блеском в глазах.

— Да, — кивнул Андрей, который совсем недавно пережил приступ боли. Она с каждым месяцем становилась всё чаще и острее, из-за чего уже разрушила его сон и истощила до крайности. Настолько, что врачи стали настойчиво рекомендовать ему хоспис¹ и наркотики, дабы отойти в мир иной без лишних тревог и болевых ощущений. Но он выбрал свой путь. Он к нему готовился. И вот теперь — сев на кресло, опутавшись проводами и надев какой-то необычный шлем, он был полон решимости.

Профессор улыбнулся.

Дёрнул за рубильник.

И тело Андрея пронзила острая боль. Настолько мощная, что он потерял сознание и обмяк, повиснув на ремнях, удерживающих его тело. Секундой спустя запищал кардиомонитор, а его диаграмма ЭКГ превратилась в линию.

— Дело сделано, — несколько нервно произнёс старик внезапно осипшим голосом. Подошёл к окну и приоткрыл жалюзи.

В чётко очерченном круге всё было нормально. А вот дальше крутился серый вихрь первородного хаоса вокруг этого островка порядка. Энергии для под-

¹ Хоспис — медико-социальное учреждение для оказания паллиативной помощи неизлечимым больным в последней стадии заболевания.

держания аномалии в стабильном состоянии оставалось всего ничего. Едва на полминуты.

За его спиной громко тикали часы, отдаваясь в голове каждым щелчком, словно ударом. Старого мира больше не было. Он спровоцировал его откат. А значит, в новом его варианте, в новой его сборке судьба может оказаться более милостива к его супруге и дочери, погибшим таким нелепым и обидным образом.

Да, он отправил в прошлое современника. Но профессор, вслед за Львом Толстым и прочими его поклонниками, был уверен — личность ничто в жерновах истории. Выживет ли он там? Бог весть. Однако даже если и выживет, то ничего поменять не сможет и мир плюс-минус соберётся так же, как и сейчас. Вот на этот «плюс-минус» профессор и рассчитывал, надеясь, что это убережёт его семью от гибели. Ведь случайность же... случайность...

Щёлкнули ещё раз часы, отсчитывая очередную секунду.

Пискнул аварийный зуммер, показывающий, что энергии осталось на десять секунд.

— Весь мир в труху... — нервно улыбнувшись, прошептал профессор знаменитую фразу из «ДМБ». А потом добавил: — Надеюсь, всё это не зря.

Пискнул последний раз зуммер. И эта стабильная аномалия в доли секунды растворилась в хаосе. Настоящее же сместилось на неполные пять веков назад, начав заново развиваться. И там, в далёком 1552 году от Рождества Христова, или, как тогда считали, в 7060 году от сотворения мира, Андрей открыл глаза. И тут же зажмурился из-за рези от яркого солнца.

ПОМЕЩИК. СИРОТА

Какой-то балбес догадался положить его так, чтобы солнечные лучи светили ему прямо в лицо.

Вокруг сразу залопотали.

«Ну что же, хотя бы местные края», — пронеслось в голове у Андрея с некоторым облегчением. Потому как оказаться где-нибудь в Китае или Персии ему не сильно хотелось. Слишком всё другое в культурном плане. Слишком он там будет чужеродным элементом.

На Руси, понятно, он тоже будет выглядеть чужим. Но... хотя бы не настолько. Просто «ушибленным» слегка. Да и адаптируется быстрее. Оставалось понять только, кем именно он тут очнулся. И скрестить пальцы за то, чтобы не оказаться крепостным там или холопом. Или, упаси боже, холопкой. Профессор вроде бы говорил о том, что он попадёт в тело предка-мужчины, но вдруг у этого «учёного лба» что-то пошло не так?

Часть 1

ОСЕНЬ

— Можно с вами выпить?
— Выпить всегда можно... Можно даже кое-что выиграть.
— Например? Цифроз печени?

Геральд из Ривии и пьяница

Глава 1

1552 год, 2 июля, Тула

Немного ещё повалявшись, Андрейка¹ — а его здесь, к счастью, звали именно так — поднялся, отряхнулся и огляделся. Ощущения были странные. Тело было меньше старого и существенно легче, из-за чего поначалу все вокруг казались великанами. Но это быстро прошло.

¹ В те годы была интересная градация формы имени в зависимости от социального положения. Вариант именования Иван Иванович мог себе позволить только князь или крупный боярин, да и то среди своих или тех, кто ниже статусом. Перед царём он был Иван, сын Ивана / Иванов сын или даже Ивашка, сын Ивана / Иванов сын. Для отроков или недорослей полное имя также не употреблялось. Аналогичное обстоятельство распространялось и на остальные сословия, за исключением крестьян и прочих простых

Куда важнее оказались ощущения. Он чувствовал себя словно в какой-то компьютерной игре. Почему? Сложно сказать. Скорее всего, потому, что он хоть и готовился оказаться в прошлом, но сам до конца в это не верил. И использовал этот проект как возможность не думать о плохом в последние годы жизни, чтобы наполнить их смыслом и чем-нибудь увлечённо заниматься. А тут раз — и всё получилось. И наш герой оказался удивлён этому совершенно не шуточно.

Клим Дмитриевич делал своё дело — настраивал машину времени, доводя её до ума. А он? Он просто вцепился в этот «спасательный круг» и готовился, но в глубине души даже и не сомневался в полной бессмысленности этих занятий. И в том, что он умрёт. Без всяких сомнений и довольно скоро...

Как и предполагал профессор, какие-то остатки личности далёкого предка, которого Андрей так бессовестно подвинул из тела, сохранились. Прежде всего отрывки памяти и эмоциональные реакции на знакомых людей. Почему это сохранилось? Не ясно. Да и не важно. Главное — что это не привело к раздвоению личности. И к тому, что он не получил полную амнезию в глазах окружающих. А то было бы крайне неудобно.

людей. У них всегда употреблялась только уничижительная форма имени. Причём нередко, если имелась просторечная форма, её и использовали. Например, не Никитка, Иванов сын, а Микитка, Иванов сын. Упоминание отчества практически всегда было в полной, правильной форме. Так что сын этого Микитки уже именовался бы как Никитин сын. Хотя в отдельных случаях в именовании отца могла закрепляться уничижительная или просторечная форма имени — Микита, а не Никита, Юрий, а не Георгий и так далее.

Внешне вселение, кроме кратковременной «потери сознания» телом в самом прямом смысле этого слова, вылилось в несколько странное поведение. Парень поводил несколько минут напряжённым взглядом по окружающим. А потом начал «узнавать» то одного, то второго, то третьего. Понятно, что подробностей в такого рода воспоминаниях было минимально. Но личности опознал и эмоциональные реакции своего предшественника осознал. Для начала хватило за глаза. Но общения со священником избежать не удалось, слишком уж он себя странно повёл...

— Мне сказывали, что сомлел ты? — с доброй, располагающей к себе улыбкой спросил отец Афанасий.

— Да, — односложно ответил Андрейка.

— Отчего же?

— Не ведаю.

— Как сказали, что батька его погиб, так отрока и скрутило. Словно оглоблей ударило. Раз. И осел. А сам едва дышит, — вместо Андрейки ответил дядька Кондрат, друг отца, что привёл его по доброте душевной в храм «от греха подальше, а то как бы беда какая не приключилась».

— Царствие ему небесное, — вполне искренне произнёс священник и перекрестился. — Хороший человек был.

Андрейка же едва сдержал грустную, скорее даже мрачную ухмылку. Судя по тому, что он сумел вызнать, погиб отец этого тела во время обороны Тулы от татар. Перестреливался с супостатом и поймал стрелу. Иными словами, батька Андрейки отдал жизнь за них всех в честном бою.

Но это ещё полбеды.

Сыну он оставил в наследство старую саблю в дешёвых ножнах да лук татарский, трофейный, с шестью стрелами в колчане. Мерин¹ и заводной меринок² его пали во время отхода к городу. Он и сам тогда едва ноги унёс. А вместе с ним утекли к татарам и сбруя, и кое-какие пожитки, и, что особенно обидно, кольчуга дедова с шеломом³.

Так что у Андрейки на сей момент из имущества имелись только отцовская сабля, лук с неполным колчаном стрел и достаточно худой кошелёк.

Конечно, где-то там, на берегу реки Шат, недалеко от засечной черты, имелось поместье отцовское. Но ему с него по малолетству выделяют на прокорм всего 25 четвертей⁴. Пока. А полностью передадут лишь на будущий год, если сможет пройти вёрстку в новики. Но толку от этого поместья — ноль. Потому как людей на нём теперь, после такого нашествия татар, со-

¹ Мерин — кастрированный жеребец. Уступал настоящим боевым коням, но был намного более доступен.

² Меринок — кастрированный жеребец мелкой породы. Чуть крупнее меринца (считай, пони — мелкая степная лошадка). В XVII веке после Смутного времени даже на меринцах поместные выезжали. Но в середине XVI века, до опустошения Ливонской войной, конечно, что меринок, что меринец выступали только как заводные.

³ Шелом — разновидность шлема высокой сфероконической формы с обратным изгибом конической части. Это классический шлем из русских сказок и былин.

⁴ На Руси в XV–XVI веках уже было в обиходе трёхполье. И поместье указывали непривычно — по площади одного поля. Иными словами, если писалось, что поместье в 25 четвертей, то земли там под пашню 75 четвертей. Четверть составляет 0,5 десятины, или половину от прямоугольника 80 х 30 сажен (1200 квадратных сажен), или 0,54 га.

вершенно не осталось. Побили или утнали в рабство почти наверняка. И совершенно неважно в такой ситуации, 25 у тебя четвертей или 500. Работать на них всё одно — некому.

В самом же городе с поручением отцовым остались два его холопа — Устинка и Егорка. Обоим уже за тридцать лет. На вид худые, изнурённые кадры с пустым взглядом. И батя их в холопы взял лишь от милосердия великого, ибо голодали, совершенно разорившись.

И всё. Вообще всё. Больше у Андрейки не было ничего. Только два голодных рта. Пустое поместье с вытоптаннами посевами и выбитыми или утнанными в плен селянами. Около рубля монетами. Сабля да лук. И целый ворох проблем, которые нужно было решить уже вчера. И ведь не решишь — поместья лишат, о чём ему очень прозрачно намекнули, ибо желающих хватало даже на пустое поместье. А ему самому сватали в послужильцы¹ пойти.

В принципе — вариант, но от безысходности.

Послужилец стоял статусом ниже, нежели помещный дворянин. А значит, переход в него — урон чести родовой. Так-то с неё самому Андрейке ни горячо ни холодно. Но в здешней, насквозь сословной и местнической системе это значило многое. Ты опростоволочился, замаравшись каким-то дурным поступком? Так твоим внукам это ещё вспоминать будут. И ставить станут их ниже тех, кто подобного не совершал...

¹ Послужилец — тот военный, который выезжал с помещиком дополнительно на службу.

Так вот, Андрейка с трудом сдержал грустную улыбку на лице при словах священника и, развязав кошелек, достал оттуда сабляницу¹.

— Прими. Не побрезгуй. На храм.

Афанасий внимательно взглянул Андрейке в глаза. И кивнул на кружку для подаяний, что стояла на небольшом столике у стены. Паренёк не стал ломаться и, сделав несколько шагов, положил её туда.

Казалось бы — всего одна монета, но ценность у неё была немалая. Особенно для сироты, что лишился почти всего. А ценность пожертвования — интересная вещь. С духовной точки зрения, важнее не количество, а качество жертвы. Тот, кто готов поделиться последним, стоит намного выше того, кто даёт малую толику. Так что священник, прекрасно знавший уже ситуацию Андрейки, высоко оценил этот поступок. С богатого и рубль взять мало, а тут щедрость вон какая. Хотя, конечно, и дядька Кондрат, и священник списали этот поступок на юность и глупость. Списали, но оценили.

— Что терзает тебя, сын мой? — спросил Афанасий, когда паренёк вернулся к нему.

Разговорились.

Общий посыл был прост. Андрейка пытался соскочить с расспросов, опасаясь своего разоблачения,

¹ С 1535 года серебряный счётный рубль состоял из 400 полшек (по 0,17 грамма), или 200 московок, называемых также сабляницами (по 0,34 грамма), или 100 новгородок (по 0,68 грамма), которые именовали также копейками. Кроме счётного рубля, ходовой мерой считался алтын, состоящий из 6 московок или 3 новгородок. Имелись и иные монеты, соотносимые следующим образом: 1 алтын = 2 рязанки = 3 новгородки = 4 тверские деньги = 6 московок.

и отвечал как можно более рублено и односложно. Афанасий же не сильно старался, прекрасно понимая, что парень потерял отца и оказался в сложной жизненной ситуации.

Зачем его сюда привели?

А на всякий случай. В те далёкие времена священник был очень уважаемым и авторитетным человеком в общине. Тем, кто ведал в вопросах мутных и непонятных. Вот и притащили ему странно пришибленного отрока. Вдруг что не так с ним? Вдруг помощь нужна?

Но обошлось.

С полчаса паренька терзали расспросами. А потом и отпустили с Богом.

Вышел Андрей на крыльцо церковное и вздохнул с облегчением. Слишком явно и шумно.

— Что, сын мой? — поинтересовался Афанасий, который, как оказалось, тихо следовал за ним. — Робеешь ты отчего передо мной?

— Робею?

— А нешто нет? Вон какой вздох.

— Тяжко дышать, — ляпнул Андрейка, не подумав. Забыв совсем о том, что в те годы к таким вещам относились куда как серьезнее. И если тебе в храме Господнем дурно, то это неспроста. Вот и оказалось, что паренька задержали ещё на полчаса. И святой водой умыли. И помолились. И в душу снова полезли. Но уже без дядьки Кондрата. Один на один...

— Да оставь ты его, Афанасий, — пробасил кто-то от двери.

Они оба обернулись и увидели воеводу.